

Ю. А. Ващенко

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Жанровая специфика романа П. Киньяра «Записки на табличках Апронении Авиции»

Ващенко Ю. А. Жанрова специфика роману П. Киньяра «Записки на табличках Апроненії Авіції». У статті аналізується роман П. Киньяра «Записки на табличках Апроненії Авіції» з погляду постмодерністської трансформації жанру історичного роману. Жанр «Записок...» визначається як історіографічний метароман у формі псевдощоденника. У «Записках...» П. Киньяр не тільки відтворює головні параметри постмодерністської поетики (подвійне кодування, псевдодокументальність, ефект «інформаційного шуму», фрагментарність, принцип пермутації та ін.), а й веде багаторівневу гру з постмодерністськими категоріями, долаючи межі постмодерністської парадигми.

Ключові слова: П. Киньяр, постмодернізм, жанрова трансформація, історіографічний метароман, псевдодокументальність, псевдощоденник.

Ващенко Ю. А. Жанровая специфика романа П. Киньяра «Записки на табличках Апронении Авиции». В статье анализируется роман П. Киньяра «Записки на табличках Апронении Авиции» в аспекте постмодернистской трансформации жанра исторического романа. Жанр «Записок...» определяется как историографический метароман в форме псевдодневника. В «Записках...» П. Киньяр не только воспроизводит основные параметры постмодернистской поэтики (двойное кодирование, псевдодокументальность, эффект «информационного шума», фрагментарность, принцип пермутации и др.), но и ведет многоуровневую игру с постмодернистскими категориями, преодолевая рамки постмодернистской парадигмы.

Ключевые слова: П. Киньяр, постмодернизм, жанровая трансформация, историографический метароман, псевдодокументальность, псевдодневник.

Vashchenko Y. A. Genre specific of Pascal Quignard's novel "On Wooden Tablets: Apronemia Avitia". The article deals with the analysis of Pascal Quignard's novel "On Wooden Tablets: Apronemia Avitia" in terms of postmodern transformation of the genre of the historical novel. The genre of the novel is defined as historiographic metafiction shaped like a fictional diary. In "Tablets" Pascal Quignard reproduces the main traits of postmodern poetics (double coding, "docufiction", "White Noise" effect, fragmentariness, permutation etc.) and also juggles with postmodern categories on many levels going beyond the bounds of postmodern paradigm.

Key words: Pascal Quignard, postmodernism, genre transformation, historiographic metafiction, docufiction, fictional diary.

Роман «Записки на табличках Апронении Авиции» (1984) принадлежит перу Паскаля Киньяра (род. 1948), одного из ведущих французских постмодернистов, лауреата Гонкуровской премии 2002 г., автора романов «Лестницы Шамборского замка» (1980), «Салон в Вюртемберге» (1986), «Альбуций» (1990), «Все утра мира» (1991) и др., «относящихся <...> к образцам постмодернистской эстетики и в то же время своеобразием художественного мира выделяющихся на фоне обильной постмодернистской продукции конца века» [8:107]. Следует учесть, что во Франции, несмотря на богатую теоретическую базу, отсутствует общепринятая трактовка термина «постмодернизм», а авторы монографий о современном французском романе (Б. Бланкеман, Д. Виар, А. Надо и др.) предпочитают не использовать его в своих работах [11]. Вопреки представлению о том,

что утрата субъективности является чертой, отделяющей постмодернизм от модернизма, что индивидуальный стиль нивелируется в постмодернизме, французские писатели демонстрируют неповторимость авторских стилей, отличительной чертой которых являются поэтичность и субъективность.

На рубеже XX–XXI вв. обозначились процессы жанровой трансформации французской романной прозы: деструкция традиционных жанров, вплоть до концепции «смерти романа», формирование новых форм романного мышления, вбирающих философию, эссеистику, психологию, литературную критику. Возникли новые сложноструктурные романские образования («роман-эссе», «роман-метафора», «кино-роман», «роман-трагифарс», «роман-калейдоскоп», «роман-крик»), которые невозможно оценивать с позиций

жанрового канона [11]. Оформилась и новая модификация исторического романа [8].

Цель данной статьи — осмыслить жанровую специфику романа П. Киньяра «Записки на табличках Апронении Авиции» в контексте постмодернистской трансформации парадигмы исторического романа.

Жанровая природа этого романа уже была объектом литературоведческой рефлексии. Исследователи преимущественно связывают «Записки...» с системой исторических жанров. Так, российский литературовед М. А. Никола считает, что «произведения Киньяра недалеки от традиционных исторических романов и оцениваются скорее как исторический «метароман», характеризующийся подчеркнутой субъективностью» [7:108]. А. Н. Смирнова противопоставляет исторический роман (*роман о времени*), который имеет дело «с историей, т. е. с упорядоченной, выстроенной, более или менее отрефлексированной реальностью, отстоящей от момента настоящего во времени», *роману о прошлом*, которое «намного шире понятия «история»», *роману времени* (*Zeitroman*'у), «где мы имеем дело с чем-то <...> нелинейным, с трудом поддающимся рефлексии, и обладающим синкретическими временными характеристиками» [9] и отождествляет «Записки...» П. Киньяра с этой жанровой формой.

Предложенный подход отражает эпистемологический контекст второй половины XX века, подвергший переосмыслению такие понятия как прошлое, факты, объективное, истинное («История и истина» П. Рикера (1955), «Нищета историцизма» К. Поппера (1957) и его же «Объективное знание» (1972), «Истина и метод» Г. Гадамера (1960), «Слова и вещи» М. Фуко (1966), «Логика смысла» Ж. Делеза (1969)). Философы проблематизируют «сам концепт истинности, несопоставимый с критерием верифицируемости» и приходят «к качественно иному взгляду на большое историческое Время, способы его объективирования <...>» [9].

Жанровой формой воплощения нового подхода к истории в рамках постмодернизма становится историографический метароман (термин Л. Хатчен [12]), засвидетельствовавший «воссоединение историографии и литературы, но в новом качестве — в ситуации деконструктивизма, когда пришло осознание того, что нельзя отразить мир напрямую, можно только репрезентировать его дискурсы» [8].

У П. Киньяра в романе «Записки на табличках Апронении Авиции» способом достижения «новой объективности» и формой

его историографического метаромана становится вымышленный дневник вымышленной римской патрицианки.

Дневник является первичной формой и одной из разновидностей мемуарной литературы. М. Михеев относит к дневниковым «широкий спектр текстов, удовлетворяющих, по крайней мере, таким требованиям: во-первых, они имеют в целом автобиографическую направленность, будучи обращены на мир из субъективной точки зрения, уникального здесь и теперь своего автора и центрированы вокруг субъекта. Во-вторых, это текст, ориентированный на действительность, то есть на реально бывшее, а не на творческий вымысел» [6:54]. Дневник — это совокупность фрагментарных записей, ежедневных или периодических, чаще всего датированных, которые отражают события личной жизни автора на фоне событий современной ему действительности (последнее, однако, не является обязательным). Общая перспектива событий тут отсутствует, а связность повествования поддерживается единством рассказчика и системой его взглядов. Дневник как письменный жанр сопровождает становление индивидуальности в культуре.

Истоки литературного дневника — в поздней античности. Его праобразом были «Размышления» Марка Аврелия, сосредоточенные не на внешних событиях, а на мыслях и настроениях. Пик интереса к дневнику припал на предромантическую эпоху и XIX век, что нашло отражение в «большой литературе», которая не только фиксировала ведение дневника тем или иным героем, но и использовала дневник как форму повествования. Решающим в становлении дневника как литературного жанра стал XIX век. Дневник как жанровая форма представляет собой динамичную автохарактеристику, выражающую сущность и бытие человека путем последовательных высказываний, сгруппированных в устойчивый временной ряд.

В литературе XX века дневниковый жанр оказался чрезвычайно мобильной формой, способной к преобразованиям, порождающим: дневник, инкорпорированный в роман; роман в форме дневника; «записки на табличках»; «записки на манжетах» и т.п. («Дневник сельского священника» Ж. Бернаноса, «Ирландский дневник» Г. Белля и др.).

Особый интерес к дневнику проявил постмодернизм, дав, в частности, и такую модификацию, как **псевдодневник** [1; 10] — порождение игровой литературы, являющейся красочной репрезентацией мира, заведомо

не делимого на «факт» и «вымысел». «Помимо привлечения фактического материала, создающего иллюзию документальности, для псевдодневника, как правило, характерны многочисленные умолчания и недомолвки, которые способствуют взаимоисключающим интерпретациям текста» [1:88]. В постмодернистском «историографическом метаромане» происходит своеобразное возвращение к истокам, возвращение литературы к жизни, придание фикциональной литературе статуса абсолютной документальности. «Актуальное искусство стремится не подражать жизни, но быть ею, формируя игровой, альтернативный тип личности», — пишет Н. Маньковская [4:11]. Это справедливо и по отношению к жанру псевдодневника, который моделирует вторую реальность, вступающую в отношения дополнительности с реальностью первого порядка.

В «Записках на табличках Апронении Авиции» П. Киньяр воссоздает мир эпохи распада Римской империи. Писатель выстраивает свой роман как диалогическое взаимодействие двух, качественно разных, частей. Первая — «Жизнь Апронении Авиции» — «сайентифицирована», мастерски стилизована под научно-исторический дискурс, насыщена историческими именами и датами, цитатами из латинских источников, сведениями из энциклопедических справочников. Оформленная в жанре романа-комментария, эта часть призвана поддержать литературную мистификацию, содержащуюся во второй части — сам «дневник».

Из «биографии» Апронении мы узнаем дату ее рождения (343 год), дату начала записей (395 год), вероятную дату их завершения (414 год), ее происхождение, социальное положение, количество браков и детей, родственные связи и сведения о пращурах. Личная информация перемежается перечнем важнейших исторических событий: вторжение варваров в Рим, смена консулов, появление на исторической арене первых христиан. За счет предельного сгущения фактов создается постмодернистский «эффект информационного шума», не столько проясняющий исторический контекст, сколько способствующий «провалу коммуникации». Парадоксально, но вопреки богатому историческому фону записок, созданному автором в первой части, в тексте самих табличек нет упоминания ни об одном из значимых исторических событий. «Битва при Мурсе, битва при Аргентории, битва при Марсианополисе, бой под Андринополем, волны нашествий франков,

алеманнов и саксов в Галлии, вторжения готов и аланов в Паннонию, бастарнов и гуннов на берега Дуная, саксов в Британию, вандалов и свевов в Испанию — ни одно из этих бедствий не нашло отзвука в ее дневнике, <...>» [3:8].

Исторические акценты, даты, имена органично переплетаются с вымыслом и становятся своего рода «ловушками» для читателя, создавая впечатление убедительной исторической достоверности. Однако за ними скрывается свойственная постмодернизму *псевдодокументальность*. Е. Местергази считает, что термин «псевдодокументальное» целиком принадлежит новейшему времени и может обслуживать только литературу XX века и еще более позднюю [5:64]. «Эффект псевдодокументальности и состоит в том, что рядовому читателю очень трудно не попасться на крючок искусной подделки: зачастую он принимает написанное всерьез, <...>. Более искушенный читатель, тем более специалист, почти всегда безошибочно способен отличить документальное от псевдодокументального» [5:64]. Так реализуется принцип постмодернистского «двойного кодирования», апелляция к двум типам адресатов.

Автор использует и постмодернистский принцип «разоблачения приема», указывая в самом тексте на его интертекстуальные источники: «Этот дневник — из числа тех, что возникают внезапно, в один прекрасный день, под влиянием мгновенного, неодолимо сильного порыва, внушенного, несомненно, ощущением близости смерти, но главным образом именно ипохондрией, заставляющей автора скрупулезно фиксировать состояние своего здоровья, подробности трапез, душевные кризисы, смены настроений, тяготы бессонницы. Элий Аристид во II веке, в Смирне, Сей Сенагон в XI веке, в Киото, Понтормо в XVI веке, во Флоренции, Сэмюэль Пепс в XVII веке, в Лондоне, несомненно, руководствовались тем же побуждением» [3:19].

Вторая часть романа — собственно «Записки Апронении Авиции», монолог героини, римской патрицианки, «дневник», зафиксированный ею на буксовых табличках («buxi»), которые в древнем Риме использовали для ведения хозяйственных счетов, записи дат рождений, смертей и важных событий. Размер таблички предопределял лаконизм записи. В романе П. Киньяра отрывистость повествования подчеркнута графически: даже предельно лаконичная фраза чаще всего начинается с новой строки. Записи пронумерованы, озаглавлены и размещены

в тексте на отдельных страницах. Это отражает постмодернистскую тенденцию к фрагментарности, дискретности текста («Двадцать четыре мешочка золота» (СIII), «В термы Тита» (LXXVI), «Откормленные сурки» (LXXII).

Именно «дневниковая» часть определяет основную тональность романа. Контрапунктное же взаимодействие частей — с «эффектом дистанции» первой и «эффектом присутствия» второй — создают неожиданный эстетический результат. Вторая, «интимная» часть «дискредитирует» научно-исторический дискурс биографического вступления, формирует пародийно-иронический модус повествования.

В «Записках...» отсутствует хроникерское описание событий и личностей, но проявляется склонность Апронении к созерцательности и анализу чувств. Поэтому среди всех записей мы насчитали лишь пять, обозначенных датами: одну с четко указанным числом — 11 мая 400 года (день, когда заболел ее муж) и четыре с менее точными обозначениями («VI календы сего года», «VIII иды сего года», «XVII календы сего года» и «десять урожаяев тому назад»). «Нелинейное прошлое в романе Киньяра находит для своего воплощения нелинейные таблички Апронении. Соседство табличек — часть которых заполнена с обеих сторон, часть — только с лицевой или только с оборотной — дает возможность воссоздания *текста времени*: своеобразной самоорганизующейся системы, сложность которой определяется большой степенью свободы входящих в нее элементов» [9]. Романная структура у П. Киньяра интерактивна: она подчинена постмодернистскому *принципу «пермутации»*, постулирующему возможность чтения табличек в произвольном порядке (как, скажем, в романе Р. Федермана «На ваше усмотрение», состоящем из стопки несброшюрованных страниц, или в «Игре в классики» Х. Кортасара, где автором заданы различные алгоритмы прочтения текста). Метафорой такой романной структуры, по мнению А. Н. Смирновой, могла бы стать «мозаика с ее идеей *части как выстраивателя целого*», которая была одним из наиболее востребованных видов декоративно-прикладного искусства в древнем Риме» [9].

Персонажами записок выступают люди из «близкого круга» Апронении Авиции (ее служанка Спатале, дочка Плекуза и Флавиана, подруги Ликорис и Марцела, Аниция Проба, любовник Квинт Альцимий, второй

муж Публий Савфей Минор, Спурий Барка, Квинт Басс, Луциний Сурра, М. Полион, Т. Сосибан; упоминаются также внуки и рабы). Это создает ощущение «камерности», интимности записок, не предназначенных для прочтения посторонними.

География записок, которая охватывает небольшую территорию — Рим и прилегающие пространства (римский дворец Апронении и Публия Савфея, Яникульский холм, Квиринал, Байи, Вейи, Пелиев холм, Ростры (форум) и Виминальский холм), дополняет ощущение замкнутости, располагая Апронению с ее друзьями и домочадцами в обособленном от внешних событий мире. Хронотоп можно установить не только из вступительной части, но и непосредственно из текста или названий табличек: «Дворец Спурия Посидия Барки на Яникульском холме» (XXVI), «Римская весна» (XLIII), «Воспоминания о Байях» (LX). Псевдодневник активно вовлекает читателя в рефлексивный поток, побуждая, исходя из некоторых нюансов, воспроизвести характер отношений и семейных связей между персонажами, восстановить хронологию.

Заглавия табличек аксиологичны («Вещи, редко встречающиеся», «Вещи, дарующие чувство покоя», «Радости зари», «Вещи, оставшиеся от прошлого», «Волнующие звуки», «Признаки счастья»). Они определяют своеобразный ракурс повествования, сфокусированного не на исторических событиях, а на фиксации душевного настроения и бытийного уклада героини, характеризующей себя как женщину, вытирающую «лужицы разлитого времени»: «Среди вещей, редко встречающихся, назову я тщательно выверенную книгу. Человека, способного пренебречь взглядами других людей. Пинцет для волос, который хорошо выщипывает волосы. Оконные ставни, не пропускающие дневной свет» [3:41].

Обилие конкретно-чувственных (и исторически предельно достоверных) деталей наполняет «Записки...» звуками, красками, запахами, вкусовыми и тактильными ощущениями, придавая тексту интермедийный характер (керамические чашечки из сагунтской глины, вино с виноградников Сетии, вавилонские вышивки, зеленый лаконийский мрамор с прожилками).

Пейзажные миниатюры в романе субъективно окрашены и напоминают импрессионистский «пейзаж души»: «*Описание зимы*. Я люблю ее бодрящий холод, не оскверняемый дождями или хмарью; звонкий стук шагов в аллеях парка. Белое кружево инея на кровлях и мраморных статуях. Белое кружево

инея на прическах служанок. Резкие краски зимы. Облачка пара, поднимающиеся из ртов детей, животных, мужчин, мальчиков-рабов, посланных колоть лед» (LXXVII) [3:126]. Словесная пластика П. Киньяра, как уже отмечали исследователи [7:109], восходит также к традициям японской лирики: «...мне кажется, она увидела в высокой траве, слева от меня, ночного паучка, ткущего свою паутину. Вокруг, в розоватом утреннем воздухе, дрожали и переливались блестящие капли росы. — Лягушата спешат по домам, рассмеявшись, громко сказала прабабушка. — Новый день наступает» [3:105].

«Записки...» характеризуются «контрапунктностью» изображенных реалий. В эстетизированный мир романа (изысканные блюда и вина, мягкие ткани и волнующие ароматы) врываются детали и сцены, несущие семантику болезни, тления, бессилия, смерти («У меня гноятся глаза»; «Эта пыль зовется прахом. <...>. — Или же имя этой пыли — время»). Они создают ощущение хрупкости замкнутого мирка, нагнетают атмосферу трагизма, выраженную с предельной сдержанностью и минимализмом. Табличка, озаглавленная «Предзнаменования», содержит одно предложение: «Вороны, которым не меньше ста двадцати лет, дважды пролетели над садами и закаркали, пролетая над ними» [3:92]. Подобные записи перемежаются перечислениями «ближайших дел»: «В роши Помпея. Кутеж у Марцеллы» [3:96]. Контрапунктность становится композиционным принципом организации романа в целом и отдельных его элементов.

Внутреннее пространство табличек также нередко отмечено соединением «несочетаемого», абстрактного и конкретного, высокого

и низкого, что при предельном лаконизме записи создает внутреннее напряжение. Лаконичные перечни отмечены резкостью переходов, эффектом «умолчания»: («*Ближайшие дела*. Пойти в храм Нумы. Занавеси для носилок» [3:40]).

Таким образом, в романе представлен процесс взаимодействия двух систем репрезентации прошлого: «логоцентристской» и «эйдетической». Сайентистский подход к истории, смоделированный в первой части, последовательно дискредитируется П. Киньяром во второй — «дневниковой», субъективной. «Историографический метароман» П. Киньяра демонстрирует удивительную гибкость французского постмодернизма, способного воспроизвести основные параметры постмодернистской поэтики (двойное кодирование, псевдодокументальность (соединение предельно достоверного и явно фиктивного), эффект «информационного шума», фрагментарность, принцип пермутации) и одновременно организовать пародийно-ироническую игру с ее каноном. «Записки...» П. Киньяра свидетельствуют о «перерастании» писателем рамок постмодернистской парадигмы, ибо в романе он моделирует целостный и ценностно ориентированный мир, где предельная субъективность выступает залогом исторической подлинности.

В романе П. Киньяра отчетливо проступают свойственные французской прозе рубежа XX–XXI вв. тенденции: диалог историко-культурных эпох; диалог разнообразных художественных систем; диалог различных отраслей гуманитарного знания, элитарной и массовой культуры, диалог романа и рефлексии над романом.

Литература

1. Габоева А. М. «Правда всякой выдумки странней»: псевдодневник как жанр литературы постмодернизма (У. Бойд. «Нутро любого человека») / А. М. Габоева // Культурная жизнь Юга России. — 2011. — № 2(40). — С. 87–90. — Режим доступа : <http://kguki.com/content/cms/files/4889.pdf>.
2. Калинина Э. И. Дифференциальные черты дневника как гипержанра / Э. И. Калинина // Вестник Кузбасской пед. акад. — 2010. — № 1. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://vestnik.kuzspa.ru/articles/2>.
3. Киньяр П. Записки на табличках Апронении Авиции / Паскаль Киньяр. — СПб. : Азбука-классика, 2004. — 256 с.
4. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма / Надежда Маньковская. — СПб. : Алетейя, 2000. — 347 с.
5. Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн / Е. Г. Местергази // Non-fiction. Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. — М. : Совпадение, 2007. — 340 с.
6. Михеев М. Дневник в России XIX–XX века — эго-текст, или пред-текст. [Текст] / М. Михеев. — М., 2006. — 222 с.
7. Никола М. И. Античность в романах Паскаля Киньяра / М. И. Никола. — Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Литературоведение. — №4 (2). — 2013. — С. 107–111.

8. Райнеке Ю. С. Исторический роман постмодернизма и традиции жанра: Великобритания, Германия, Австрия / Ю. С. Райнеке. — Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. — М., 2002. — 211 с. — Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/istoricheskii-roman-postmodernizma-i-traditsii-zhanra-velikobritaniya-germaniya-avstriya#ixzz3F0zPaHPR>

9. Смирнова Н. А. Zeitroman Паскаля Киньяра : («Записки на табличках Апронии Авиции») / Н. А. Смирнова // Литература XX века: итоги и перспективы изучения : материалы Четвертых Андреев. чтений : сб. науч. ст. / [редкол. : Н. Т. Пахсарьян, М. Ю. Осокин, Н. А. Литвиненко]. — М., 2006. — С. 121–127. — Режим доступа : <http://natara.msk.ru/sborniki-pod-redaktsiey-n-t-pahsaryan/eitroman-paskalya-kinyara-zapiski-na-tablichkah-apronenii-avitsii.html>

10. Шарифова С. Ш. Типы документально-художественного романа / С. Ш. Шарифова // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. — 2011. — №23. — С. 271–277. — Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/tipy-dokumentalno-hudozhestvennogo-romana>

11. Шевякова Э. Н. Современная французская проза рубежа веков: модификация романной формы: автореф. дис... доктора филол. наук: спец. 10.01.03 «Западноевропейская литература» / Э. Н. Шевякова. — М., 2009. — 34 с. — Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/sovremennaya-frantsuzskaya-proza-rubezha-vekov>

12. Hutcheon L. A Poetics of Postmodernism. History, theory, fiction / Linda Hutcheon. — New-York : Routledge, 1988. — 268 p.